

Анатолій Приходько
(г. Запорозьє, Україна)

ТЕКСТОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПАРАТАКСИСА

Досліджується прагмасемантична специфіка складних мовленнєвих актів, зокрема – п'ять іллокутивних моделей паратаксису, що реалізуються в тексті: директив + констатив, директив + комісив, констатив + директив, директив + квеситив, комісив + квеситив, а також описуються та аналізуються їхній перлокутивний і соціодискурсивний потенціал. Доводиться, що ці іллокутивні схеми мають регулятивну основу та є важливим показником можливостей активної участі паратаксису в оформленні певних типізованих смислів у тексті. Регулятивний паратаксис є висловленням, номінативний аспект якого визначається координативними семантико-синтаксичними відношеннями між його частинами, а комунікативний – іллокутивними типами співвідносних з ними простих мовленнєвих актів, між якими встановлюються різного роду субординативні відношення.

Ключові слова: текст, паратаксис, регулятив, складний мовленнєвий акт, іллокуція, перлокуція, координація, субординація

В статье исследуется прагмасемантическая специфика сложных речевых актов в тексте – в частности, пять иллокутивных моделей паратаксиса, реализуемых в тексте: директив + констатив, директив + комиссив, констатив + директив, директив + квеситив, комиссив + квеситив, а также описывается и анализируется их перлокутивный и социодискурсивный потенциал. Доказывается, что эти иллокутивные схемы имеют регулятивную основу и являются важным показателем возможностей активного участия паратаксиса в оформлении определенных типизированных смыслов в тексте. Регулятивный паратаксис является высказыванием, номинативный аспект которого определяется координативными семантико-синтаксическими отношениями между его частями, а коммуникативный – иллокутивными типами соотносимых с ними простых речевых актов, между которыми устанавливаются различного рода субординативные отношения.

Ключевые слова: текст, паратаксис, регулятив, сложный речевой акт, иллокуция, перлокуция, координация, субординация

The article deals with pragmasemantic specificity of complex speech acts in the text. Five illocutionary parataxis models implemented in the text are considered: directive + constative, directive + commissive, constative + directive, directive + quesitive, commissive + quesitive. The article also describes and analyzes their perlocutionary and sociodiscursive potential. It is proved that these models have illocutionary regulative basis and are an important indicator of

parataxis active implementation opportunities in the arrangement of certain typical speech meanings in the text. Regulative parataxis is an utterance. Its nominative aspect is determined by the coordinative semantic and syntactic relationships between the parts. Its communicative aspect is defined by the illocutionary types of correlated simple speech acts with different kinds subordinate relationships.

Key words: *text, parataxis, regulative action, complex speech act, illocution, perlocution, coordination, subordination*

Изучение предложения под углом зрения текстовой прагматики предполагает не только выделение его основных коммуникативных типов, но и анализ взаимосвязи между формально-грамматическим, семантико-синтаксическим и коммуникативно-прагматическим уровнями его репрезентации. Обращение к прагматике имеет определенный смысл в тех случаях, когда традиционная лингвистика не может объяснить языковую сущность ряда грамматически «проблемных» структур и определить их место в существующих таксономиях.

К ряду проблемных относится и объект нашего внимания – такая сложносинтаксическая конструкция, в которой иерархия грамматических отношений не изоморфна иерархии прагматических отношений, а синкретизм речевого значения детерминируется прагмасемантической дискретностью их компонентов. Такого рода противоречие наблюдается, прежде всего, в сфере тех сложносочиненных предложений (ССП), организация которых характеризуется несоответствием между структурой и функцией, – парадоксальной подчиненностью на семантико-синтаксическом уровне законам координации, а на коммуникативно-прагматическом – субординации, что является предметом анализа.

В дальнейшем мы постараемся показать справедливость вывода Ю.А. Левицкого о том, что «порождение речи (текста) представляется в виде развертывания определенной программы действий, направленных на достижение оптимальных результатов» [6, с. 61], который оказывается релевантным и в отношении заявленного объекта. Отсюда и главная цель статьи: изучение типов и видов данных конструкций, а также путей и способов их использования в тексте.

Упакованные в форму асимметрического паратаксиса, они четко придерживаются такого порядка следования своих составляющих (конъюнктов), при котором подчиненная акторечевая функция (РА-функция) находится в постпозиции к подчиняющей. Ср.:

(1) : (1a) *Mach das Fenster zu*, (1b) *sonst holst du (denn du holst) dir eine Erkältung* ≈ *Закрой окно, а то простудишься (потому как простудишься).*

(2) : (2a) *Mach das Fenster nicht auf*, (2b) *oder du kriegst eine Tracht Prügel* ≈ *Не открывай окно, или получишь взбучку.*

(3) : (3a) *Halte das Fenster zu*, (3b) *und die Erkältung ist weg* ≈ *Держи окно закрытым, и простуда куда и денется.*

(4) : (4a) *Mach das Fenster zu*, (4b) *oder willst du lüften?* ≈ *Закрой окно, или ты хочешь проветрить?*

ССП (1-4) представляют собой определенную комбинацию иллокуций – директива и констати́ва (1, 3), директива и промиссива (2), директива и квеситива (4). Подобные комбинации получают разные названия – «речевые блоки» [1], «речевые макроакты» [5] и т.д. В нашей системе мы будем рассматривать их как комплексных речевые акты (КРА) [4, с. 54]. КРА, будучи оформленными одной синтаксической структурой, являют собой бинарную речевую единицу с субординативной прагмасемантической связью между частями. КРА – это определенный набор разных РА-функций, каждая из которых несет свою конкретную телеологическую нагрузку. Примеры (1-4) свидетельствуют о том, что предыдущий РА задает целостное интенциональное обрамление всему КРА, на фоне которого последующий речевой шаг выполняет какую-то вспомогательную РА-функцию. Считается, что при этом обе они находятся между собой в отношениях взаимной поддержки [13, с. 196], а их коммуникативная целостность обуславливается не только семантическими отношениями между конъюнктами, но и прагматическими отношениями между РА-функциями [11, с. 187]. С учетом того, какая иллокуция выполняет подчиняющую, а какая подчиненную РА-функцию, возникают разные комбинации и разные иллокутивные типы КРА.

Планирование, продуцирование и декодирование КРА осуществляется на основе тех же законов, что и простых РА (коммуникативный контекст, структура социоролоевой зависимости, мотивация и пр.). Однако, соотносясь на синтаксическом уровне с двумя конъюнктами одного и того же ССП, а на семантическом с двумя пропозициями, КРА четко указывает на дискретное использование своих составляющих (побуждение (1a-4a), сообщение (1b, 3b), обещание (2b), запрос (4b) и др.) и на соблюдение каждой РА-функцией четко очерченных рамок своего инвариантного прагматического смысла. В таком случае возникает предположение о несамодостаточности каждой из этих РА-функций, иначе как тогда объяснить факт их соединения в одной и той же номинации? Такое предположение тянет за собой целый ряд смежных вопросов, сводимых в конечном итоге к одному – в чем же состоит специфика употребления того сочинительного предложения, где каждый конъюнкт имеет свою собственную иллокутивную функцию? Для ответа на этот вопрос остановимся на одной довольно продуктивной разновидности КРА – **регулятивном**, т.е. на КРА с подчиняющим директивом.

Использование регулятивов детерминруется, с одной стороны, морально-этическими сдвигами в постконвенциональном обществе, которое находится на пути выработки универсалистской этики – «этики, в которой категорический императив уступает место методу моральной аргументации» [3, с. 131], а с другой, – перманентной активностью человека, стимулируемой ее когнитивными представлениями нормативно-оценочного порядка о правильности и неправильности, пользе и вреде, справедливости и несправедливости, добра и зла и т.д. В рамках этого глобального смысла

человеческой деятельности КРА отводится скромная роль вербального средства духовного волеизъявления субъекта речи – влияния одного человека на другого с целью смены «чужими руками» существующего положения дел (= «смена P на $не-P$ » [2, с. 53]). Эта интенция говорящего определяет одну из его последующих перлокутивных целей: а) превентивную – смена P на $не-P$ как предотвращение нежелательного хода событий (1), б) прохибитивную – смена P на $не-P$ как запрет на дальнейшую деятельность (2), в) профитивную – смена P на $не-P$ для получения выгоды (3), г) аннулятивную – смена P на $не-P$ как временно упраздненную (4).

Специфика побудительной ситуации состоит в том, что в реализации цели принимают участие два актера – один велит, а другой должен выполнять его волю. Последний выступает при этом в двух ипостасях – как объект влияния и как субъект будущей активности, исполнитель намеченной говорящим программы. Таким образом, возникает ось контрадикторного напряжения между волевыми мотивами говорящего и волевыми мотивами адресата, постоянно колеблющаяся в амплитуде между необходимостью выполнения и возможностью невыполнения. Именно для реализации воли субъекта, для принуждения объекта выполнить ее всеми доступными вербальными средствами и используются регулятивы с их специфическими иллюкутивными и перлокутивными возможностями.

В своих рассуждениях мы будем исходить из того положения, что перлокутивный эффект любого РА характеризуется в эпистемических измерениях и оценивается на основе тех последствий, которые он вызывает. Перлокутивный потенциал регулятивов имеет целый арсенал специфических возможностей и средств влияния – апелляция к сознанию адресата путем привлечения определенного инструментария, поощрения выбором между целесообразным и нецелесообразным, каузирование интереса, мониторинг выполнения и т.д.

Логико-эпистемическая база большинства регулятивов коррелирует с аксиологическим компонентом высказывания. Опираясь на оценки 'плохо' или «хорошо», регулятивы являются нормативно-оценочными утверждениями с телеологическим субстратом. Как известно, норма всегда ассоциируется с идеей целесообразности, базирующейся на феномене рациональности человеческого поведения [10, с. 67]. То или иное действие оценивается обыденным сознанием как целесообразное, если оно соответствует эталону рациональности. И наоборот. В зависимости от схемы рационализации регулятивы помимо общего вывода относительно выполнения побудительного действия («целесообразно» / «нецелесообразно») могут содержать и коннотативные элементы оценки – рационально-утилитарные («полезно» / «неполезно», «выгодно» / «невыгодно») и рационально-деонтические («обязательно» / «необязательно»).

Поскольку воля человека как духовный акт может выбирать между многими мотивами, то, соответственно, и выполнение побуждения может зависеть от многих факторов. Одним из таких факторов использования

сложноструктурированных регулятивов является тот факт, что они порождаются на пересечении двух эпистемических векторов – фактора знаний говорящего (Γ) и фактора знаний адресата (A) относительно одного и того же фрагмента жизненного мира. Разноинформированность Γ и A касается прежде всего причинно-следственных зависимостей физического мира. Соответственно и механизм реализации эпистемического влияния обеспечивается в регулятивах формально-логическим субстратом – негативно-позитивной дизъюнкцией $|\neg P \supset Q| \vee |P \supset \neg Q|$ (закон контрапозиции). Наивно-языковая картина мира отражает эту логическую импликацию в виде двух когнитивных схем: 1) «Сделаешь P – не будет Q (хорошо) \Leftrightarrow Не сделаешь P – будет Q (= плохо)», 2) «Сделаешь P – будет Q (= хорошо) \Leftrightarrow Не сделаешь P – не будет Q (= плохо)». Считая в дальнейшем эти когнитивные схемы условно-следственной базой регулятивов («wenn-dann-Basis / если-то-база» [10, с. 78]), заметим, что они отражают «демократию» воли субъекта – предоставление объекту побуждения возможности выбора между выполнением и невыполнением. Однако эта возможность оказывается для регулятивов ограниченной оценкой, навязываемой адресату, и общим выводом о целесообразности выполнения.

Дальнейшие ограничения выбора между выполнением и невыполнением совершается с помощью такого инструмента эпистемического влияния, как обоснование целесообразности, которое может реализовываться, по меньшей мере, двумя способами – путем аргументирования и путем мотивирования. Аргументативная поддержка директива – это попытка убедить адресата в том, что выполнение побуждения входит в круг его интересов. Мотивационная же поддержка базируется на получении вознаграждения. Как аргументирование (1b, 2b), так и мотивирование (3b) директива служат в регулятивах дейксисами следствия (Q) для поставленной цели – того, что является «антиципированным представлением результата нашего действия» [7, с. 506]. Наряду с этим, аргументирование содержит в себе еще и дополнительное указание на то, что может произойти в случае невыполнения, т.е. так называемое «наказание за невыполнение» [8, с. 306]. В частности, (1b) указывает на угрозу со стороны форс-мажорных сил, а (2b) – на угрозу санкциями со стороны говорящего (ср. (5) *Eat your dinner or I'll spank you* [4, с. 31]). Аргументирование, сопровождаясь импульсами равноправности партнеров, подчеркивает право выбора; мотивирование содержит достаточно слабое указание на выбор, а иногда и на индифферентное отношение говорящего к проблеме выполнения побуждения, подчеркивая, что оно является сугубо личным делом адресата.

Фактор «выбор» связан и с другим перлокутивным моментом использования регулятивов – мотивацией, т. е. причиной, внутренним мотивом осуществления действий и поступков, в т.ч. и речевых. Внутренним мотивом применения КРА являются интересы и стимулы говорящего. Интересы говорящего направлены, прежде всего, на объект, от которого зависит реализация цели. Поскольку человеку в целом свойственно скрывать свои интересы, то они, соответственно, могут или экстраполироваться на

объект, от которого зависит их удовлетворение, или маскироваться под видом взаимного интереса (8). В частности, требование закрыть форточку диктуется будто бы и заботой о здоровье, скажем, ребенка (1, 2), а своевременная сдача курсовой работы – заботой об успеваемости студента (7). Но не кроется ли за всем этим элементарное нежелание говорящего заниматься лечением ребенка или нежелание профессора «возиться» со студентом в преддверии отпуска? Так или иначе, любой КРА скрывает в себе интересы и потребности как раз говорящего, которые стимулируются предметом удовлетворения текущих потребностей. Но для усиления влияния важным есть умение выдать свои интересы за чужие. Несмотря на то, что практически за каждым регулятивом кроются интересы говорящего, их перлокутивная сила направлена на стимулирование интересов адресата.

Несмотря на то, что интересы, подобно потребностям и стимулам, могут быть различными (реальными и мнимыми, отдаленными и близкими, сильными и слабыми), их реализация – осознанно или неосознанно – держится говорящим под контролем. Комплексные регулятивы планируются и реализуются в полном соответствии с этим принципом. В зависимости от степени заинтересованности говорящего в выполнении директивного действия, можно различать регулятивы: а) подлежащие контролю (2), б) не подлежащие контролю (3), в) с ослабленным контролем (1), г) с упраздненным контролем (4). Как правило, контроля выполнения не требуют КРА с мотивированно подчиненной РА-функцией, а наиболее вероятно контроль можно ожидать там, где подчиненная РА-функция имеет аргументативный характер. Понимание того, держит или не держит собеседник свое побуждение под контролем, приходит к адресату на основании знаний относительно устройства жизненного мира. На этом же основании он принимает и окончательное решение относительно выбора между выполнением и невыполнением побуждения.

Использование ССП в ситуациях побуждения свидетельствует о его потенциально больших возможностях в объединении в своем составе различных РА-функций. И в этом отношении ССП представляет собой коммуникативно не гомогенное, а типологически дискретное явление, которое конституируется по меньшей мере пятью бикомпонентными моделями – директивно-констативной (ДИР + КОНСТ), директивно-комиссивной (ДИР + КОМИС), констативно-директивной (КОНСТ + ДИР), директивно-квеситивной (ДИР + КВЕС) и комиссивно-квеситивной (КОМИС + КВЕС), внутри которых создаются диффузные прагматические смыслы.

Иллокутивная модель ДИР + КОНСТ базируется на алетически-эпистемической презумпции «*Г доводит до ведома А, что А должен совершить не-Р на основании нормы N. При условии невыполнения может произойти Q*». В зависимости от того, какое содержание вкладывается в *Q* – отрицательное (опасность) или положительное (польза), – регулятивы могут сигнализировать два разных прагматических смысла – аргументированный совет (АС) или мотивированный призыв (МП).

Основной прагмаустановкой АС-регулятивов является предотвращение опасности, подстерегающей адресата в случае невыполнения побуждения, поэтому они всегда содержат сигнал о целесообразности следования совету как таковому, который отвечает интересам адресата. АС применяется в превентивном или прохибитивном режимах побуждения. Они могут подвергаться различного рода модификациям, на стыке которых возникают такие речевые смыслы, как предупреждение ((1) *Verzichten Sie auf Ihre Zwischenprüfung, und Sie verlieren ein Semester* ≈ *Откажись от зачеты, и ты потеряешь семестр*), напоминание ((7) *Entweder Sie geben Ihre Seminararbeit termingerecht ab, oder ich kann sie nicht mehr annehmen* ≈ *Или Вы сдаете курсовую в срок, или я не смогу ее больше принять*), наставление (3). По своей природе АП открыты к дальнейшим речевым действиям и направлены на достижение консенсуса.

МП-регулятивы содержат указание на выигрыш, и используется в профитивном режиме побуждения – там, где возникает потребность в подталкивании адресата к осуществлению определенных невербальных действий. Можно различать два их вида: призыв, мотивированный следствием ((8) *Abonnieren Sie den SPIEGEL, und Sie erhalten Kultur frei Haus!* /Рекл. просп./ ≈ *Подписывайтесь на ШПИГЕЛЬ, и Вы получите культуру прямо дома*), и призыв, мотивированный причиной ((9) *Verzeiht das diesen Armen, denn sie können nichts dafür* /L. Feuchtwanger/ ≈ *Простите этим бедным, ибо они ничего не могут сделать*). МП характеризуются высокой эмотивностью, закрытостью для дальнейших речевых действий и стремлением к достижению консенсуса.

Иллокутивная модель ДИР + КОМИС базируется на деонтически-эпистемической презумпции «*Г доводит до ведома А, что А должен сделать не-Р на основании нормы N. При условии невыполнения со стороны Г последует санкция Q*». Как правило, такие регулятивы выражают аргументированные приказы (АП), в которых пересекаются две интенциональные формулы: «*Требую, чтобы*», «*Обещаю, что*». АП выступают в коммуникативной ситуации как превентивные КРА с указанием на угрожающую адресату опасность. Теоретически директив в таких высказываниях является самодостаточным РА, поскольку его главная прагмаустановка понятна и без поддержки подчиненной РА-функции. Комиссив же, осуществляя аргументативную поддержку директива, указывает на то, что источником опасности является сам адресат, что выполнение побуждения обязательно и что в случае отказа Г имеет в запасе какой-то действенный способ наказания. Между директивом и комиссивом устанавливаются такие отношения, при которых реализация одного из них исключает реализацию другого. Такие регулятивы служат для воплощения иллокутивного смысла «ультиматум». Среди АП можно различать: ультимативные угрозы (2), ультимативные предупреждения ((10) *Laß mich, oder ich schlage zu* /S. Lenz/ ≈ *Отстань от меня, или я ударю*), ультимативные предостережения ((11) *Noch ein Wort, und du bist eine Leiche!* /E. Strittmatter/ ≈ *Еще слово, и ты труп*). По своей природе

ультимативы недиалогичны, эмоциональны и агрессивны. Они используются в ситуациях конфликтного общения.

Регулятивы, построенные по **иллокутивной модели КОНСТ + КВЕС**, используются в тех эротетических конситуациях, где возникает потребность в перепроверке, переоценке, эвалюации истины, что требует отсылки к общей эпистемической базе коммуникантов. Ср.: (12) *Du hast geweint, oder täusche ich mich?* /Н. Konsalik/; (13) *Da ist auch ein Campingplatz. Oder suchen Sie ein Hotelzimmer?* /J. Berndorf/; (14) *Eigentlich ist sie noch ein Kind, oder sie ist mit einem Mann zusammengewesen?* /М. Frisch/. Интродуктивная тактика получения «обновленного» знания реализуется здесь на базе неотъемлемой когнитивно-логической составляющей – условно-следственной импликации. На фоне последней констатив вводит тему и маркирует границу между достоверным и недостоверным знанием, а квеситив непосредственно осуществляет запрос на получение актуализированной информации.

Регулятивы, построенные по **иллокутивной модели ДИР + КВЕС**, используются там, где возникает потребность в переориентации коммуникативной цели непосредственно в процессе продуцирования речевого действия. Такое использование возможно при условиях высокой кооперативной готовности говорящего, возникающей не столько в силу подчиненности его социального статуса, сколько в силу индивидуальных черт характера или психологического состояния. Эти обстоятельства не предусматривают влияния на мир знаний адресата и не требуют отсылки к условно-следственной базе высказывания, а также оценки и, соответственно, указания на целесообразность выполнения. Квеситив в таких КРА, сохраняя инвариантный компонент речевого смысла (запрос относительно некоторой существенно важной информации для заполнения «знаниевой» лакуны), трансформируется в импульсивное желание получить знание не относительно состояния дел, а относительно намерений собеседника, что фактически приводит к упразднению первичной прагмаустановки. Переключение внимания может приобретать вид отложенного приказа (4), отложенного предложения ((15) *Bitte, laß uns tanzen. Oder willst du erst mal essen?* /Е. М. Remarque/ ≈ *Пожалуйста, давай потанцуем. Или ты хочешь сначала перекусить?*), просьбы, граничащей с предложением ((16) *Bezahl das Ding an der Kasse, oder schauen wir uns noch mal um?* /I. Noll/ ≈ *Иди оплачивай вещь в кассе, или мы еще немного посмотрим?*). Директивно-квеситивные КРА имеют иницирующий, интерактивный характер, открытый для компромисса.

Регулятивы, построенные по **иллокутивной модели КОМИС + КВЕС**, употребляются при запоздалом обращении внимания говорящего на интересы адресата. Их интенциональная база состоит во взвешивании обещания, что, в свою очередь, требует знаний о мере заинтересованности адресата в получении вознаграждения. Ср.: (17) *Die Eintrittskarten beschaffe ich selbst. Oder hast du keine Lust mehr?* /В. Kellermann/ ≈ *Билеты я куплю сам. Или тебе расхотелось?*; (18) *Ich schenke dir ein Handy. Oder haste schon wieder was eingebrockt?* /S. Schumacher/ ≈ *Я подарю тебе мобильник. Или ты опять*

что-то натворил?). Тем самым обещание обставляется рядом условий, при которых оно может быть выполненным, не выполненным или замененным на другое обещание. Использование двуиллокутивного КРА обусловливается необходимостью мониторинга успешности РА-комиссива, где квеситиву отводится роль «лакмусовой бумажки» такой проверки.

Особый узел проблематики в этом смысле составляют конструкции типа нем. *Komm nach Köln, und du siehst den dreckigsten Fluß Deutschlands* [12, с. 62] ≈ *Приезжай в Кёльн, и ты увидишь самую грязную реку Германии*; русск. *Дайте мнет точку опоры, и я переверну весь мир*, англ. *You drink one more can of beer and I'm leaving*, которые считаются переходными случаями между паратаксисом и гипотаксисом [9, с. 1]. Как бы то ни было, но сочинительный ряд обнаруживает в данном случае четкие иерархические отношения на семантико-синтаксическом уровне. Неизоморфность грамматической и прагмасемантической организации паратаксиса свидетельствует о том, что традиционный взгляд на него как на единицу с равноправным, независимым, автономным характером отношений между составляющими, несколько преувеличен. Вне сомнения, значительная часть корпуса немецких ССП, оставаясь по форме координативными конструкциями, являются когнитивно и коммуникативно субординативными.

Таким образом, описанные иллокутивные схемы комплексных речевых актов – это важный показатель возможностей активного участия паратаксиса в оформлении определенных типизированных речевых смыслов в тексте. ССП с общей прагмаустановкой побуждения являются высказываниями, номинативный аспект которых определяется координативными семантико-синтаксическими отношениями между конъюнктами (соединительные, разделительные, противительные и т.д.), а коммуникативный – иллокутивными типами соотносимых с ними простых речевых актов, между которыми устанавливаются субординативные отношения.

Схема взаимодействия отдельных когнитивно-семантических типов ССП с определенными иллокутивными моделями сложных речевых актов в скопусах сообщения, вопроса, побуждения, обещания – важный показатель возможностей активного его участия в процессах текстовой коммуникации. В этом смысле паратаксис является одним из достаточно эффективных средств воссоздания диффузных прагматических значений, ибо способен осуществлять коммуникативные намерения языковой личности путем контаминации различных иллокутивных сил в одной грамматической структуре, что делает возможным выражение довольно гибких, в меру взвешенных, а иногда и неоднозначных интенций.

Использование паратактически оформленных сложных речевых актов-регулятивов в тексте детерминируется творческой активностью языковой личности, которая, в свою очередь, стимулируется ее эпистемическими представлениями о правильности и неправильности, пользе и вреде, добре и зле и т.д. В рамках этого глобального телеологического смысла человеческой деятельности регулятивным высказываниям отводится роль важного

средства вербального волеизъявления homo loquens – побудительно-суггестивного влияния одного человека на другого.

Дальнейшее изучение сложных речевых актов может способствовать нашему приближению к более глубокому пониманию путей и способов оптимизации человеческого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова И.Н. Типы связи в констативных блоках высказываний / И.Н. Аксенова // Языковое общение: Единицы и регулятивы. – Калинин : КГУ, 1987. – С. 115–120.
2. Бирюлин Л.Б. Семантика русского императива / Леонид Авраамович Бирюлин. – Helsinki : University Press, 1994. – 229 с.
3. Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія / Анатолій Миколайович Єрмоленко. – К. : Лібра, 1999. – 488 с.
4. Карабан В.И. Сложные речевые акты / Вячеслав Иванович Карабан. – К. : Вища шк., 1989. – 131 с.
5. Кобозева И.М. Сложное предложение как форма сложного речевого акта / И.М. Кобозева, Ким Гон Сук. // Сложное предложение. – М. : РУЦ, 2000. – С. 95–105.
6. Левицкий Ю.А. Лингвистика текста : Учеб. Пособие / Юрий Анатольевич Левицкий. – М. : Высш. шк., 2006. – 207 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Сост. Е.Ф. Губский и др. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
8. Хилпинен Р. Семантика императивов и деонтическая логика / Р. Хилпинен // НЗЛ. Вып. 18. – М. : Прогресс, 1986. – С. 300–317.
9. Culicover P.W. Semantic subordination despite syntactic coordination / P.W. Culicover, R. Jackendoff // Linguistics, 2000. – Vol. 28, Is. 2. – P. 1–16.
10. Habermas J. Handlungen, Sprechakten, sprachlich vermittelte Interaktionen und Lebenswelt / J. Habermas // Philosophische Aufsätze. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1988. – S. 63–104.
11. Hendricks H. Space, language, and cognition: New advances in acquisition research / H. Hendricks, M. Hickmann, K. Lindner // Cognitive Linguistics 21–1. — Fankfurt /Main : Walter de Gruyter, 2010. – P. 181–188.
12. Meibauer J. Pragmatik: eine Eiführung / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.
13. Peyer A. Satzverknüpfung – syntaktische und textpragmatische Aspekte. – Tübingen / A. Peyer : Niemeyer, 1997. – 315 S.
14. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim: Dudenverlag, 1993. – 1111 S.

Стаття надійшла до редакції 29 січня 2017 року